

ХОТЕЛОСЬ ДАЛЕКО УЛЕТЬ

«Посмотрел врач на бумажку и говорит: «Э, брат, обманываешь ты меня, приходи-ка к нам через годик». В общем, разоблачил он меня», — вспоминал с улыбкой уже в наши дни Алексей Боровитин.

И ПОШЛИ МЫ С МАМОЙ В СЕКЦИЮ

«Наша семья, — продолжает Боровитин, — папа Алексей Матвеевич, мама Августа Ивановна, сестра Наталья и я — жила на Хлыновке у зонального института на улице Серафимовича. Отец — фронтовик, воевал на Дальнем Востоке, был спортивным человеком. Играл в футбол за «Искож», Бегал и на лыжах. Может, от него и пошла любовь к лыжам, не знаю.

На Хлыновской горе было много самодельных трамплинов. Мы ребятинки, часто прыгали с них. Надо сказать, прыжки на лыжах тогда приобретали популярность, «запали» мы на них. Как-то раз, а я тогда ходил петь в хор городского Дома пионеров, увидел на заборе стадиона «Динамо» объявление о наборе в секцию прыжков с трамплина. Прихожу домой и говорю: «Мам, я прыжками с трамплина хочу заниматься, пойдем завтра на «Динамо», запишешь меня». А она мне: «У, что надумал, с трамплина прыгать, шею-то сломаешь!» Всё же я уговорил ее, и пошли мы назавтра записываться в прыгуны.

Пошли в группу тренера Бориса Владимировича Медовикова. На одну тренировку сходил, а перед второй нас направили к врачу. При прохождении медицинского осмотра доктор спросил: сколько лет? Тогда в секцию по прыжкам на лыжах с трамплина брали с 11 лет, а мне было всего девять с половиной. Но заниматься мне очень хотелось, и я сказал, что мне уже одиннадцать. Посмотрел врач на бумажку и говорит: «Э, брат, обманываешь ты меня, приходи-ка к нам через годик». В общем, разоблачил он меня.

Ушел я тогда, а потом часто ездил на Филейку в район трамплина. Вместе с другими мальчишками катались там со склонов. Однажды к нам подошел молодой мужчина, спросил, кто хочет прыгать. Никто не стал отказываться — все хотели. Соорудили «кочку» и давай показывать свое умение. Я два раза упал. Но в секцию меня все же записали. А мужчина тот оказался тренером ДЮСШ № 2 Виктором Николаевичем Вшивцевым.

Прозанимался я у Вшивцева то ли до 1968-го, то ли до 1969 года, пока он не уехал на работу в Котельничский район в колхоз «Искра» — там трамплин построили. Нас перевели в «Динамо» к тренеру Анатолию Васильевичу Баранцеву. Месяца через три там меня увидел Медовиков. «А этот-то пацан как у тебя оказался? — спрашивал Баранцева. — Он же ко мне приходил со своей

ПРЫЖКИ НА ЛЫЖАХ
С ТРАМПЛИНА

АЛЕКСЕЙ БОРОВИТИН

Родился 14 февраля 1954 года в Кирове. Заслуженный мастер спорта. Участник Олимпийских игр 1976 и 1980 годов. Бронзовый призер чемпионатов мира 1974 и 1978 годов. Победитель Лахтинских игр 1974 года в Финляндии и Холменколленских игр 1974 и 1977 годов в Норвегии. Четвертое место на чемпионате мира 1977 года по полетам на лыжах. Победитель летнего чемпионата страны (1977). Обладатель приза Совета Министров Грузии 1975 и 1977 годов и Кубка СССР 1977 года. В том же году австрийской газетой «Фольксштимме» был признан лучшим прыгуном мира. Чемпион СССР 1979 года. Серебряный призер чемпионата страны 1980 года. Живёт в Нижнем Новгороде.

матерью». И ко мне: «Что же это ты, а?» Как мог, объяснил ему ситуацию. Вот так Алексей Боровитин пришел в спорт. А затем...

Алексей Боровитин в полёте

Наставники сборной страны заявили, что кировчанин Алексей Боровитин на соревнованиях Кубка СССР 1974 года, по итогам которых отбирали кандидатов на предстоящий чемпионат мира, участвовать не будет.

В меня все верили...

Загрустил Алексей: значит, не судьба ехать в Фалун? А так хотелось попробовать себя на мировом первенстве. А почему бы и нет, ведь на первых всесоюзных соревнованиях зимы в Кавголово он, никому неизвестный перворазрядник, уверенно обыграл и чемпиона мира Гария Напалкова, и олимпийского чемпиона Владимира Белоусова.

К соревнованиям Боровитина из-за травмы не допустили, а на сборы оставили: пусть потренируется парень, а там посмотрим. Значит, на Боровитина все-таки рассчитывают. «Потом мы, журналисты «Кировской правды», — писал в областной газете ее сотрудник Феликс Фридман, — почти каждый день звонили в Горький, где проходили тренировки сборной СССР. «Как там Леша?» — спрашивали мы у горьковских коллег. А те отвечали, что Леша всем «дает прикурить», летит за стометровую отметку. Ни спорность его кандидатуры на чемпионат мира, ни травма не вывели его из равновесия. «Ну и парень!» — только качал головой наставник сборной. Короче говоря, взяли его на «мир».

Корреспондент «Советского спорта» Михаил Марин сообщал из Фалуна:

«...За день до чемпионата в шумном репортерском стане было непривычно спокойно: буря прогнозов не бушевала — все прочили победу немцу из ГДР Ашенбаху, очень уж он силен, никакого с ним нет сладу.

Из наших первым прыгает «именинник» Алексей Боровитин из Кирова. 14 февраля ему исполнилось 20 лет. Преподнесли ему огромный торт — на всю команду хватило. Больше подарков не было, правда, телеграммами из дома забомбили, а вот насчет подарка намекнули, что сам, мол, он должен себе преподнести его в субботу на среднем трамплине. Надеялись на Алексу? Да, надеялись. Тут вот в чем дело: парень он хотя и молодой, но очень серьезный, толковый и страшно волевой. И тренеры ни минуты не думали, брать его на чемпионат или не брать?

Боровитин в первой зачетной серии улетел на 85,5 метра и стал лидером. Первым сдвинул Боровитина с первого места немец Экштайн — 86,5. Потом другой прыгун из ГДР с грозной фамилией Кампф опустил Алексу еще на ступеньку ниже. На старте — Ашенбах. На трибунах гул. Немец махнул на 90 метров. Что было во второй серии, рассказывать долго не надо. Боровитин молодчина. Улетел на 84 метра.

Прыгает Кампф — 83 метра. Проиграл во второй серии Боровитину, но в сумме все-таки выиграл — первая попытка была слишком сильна (85,5).

Но до Ашенбаха вторая позиция Боровитина оставалась непоколебимой. Однако Ашенбах есть Ашенбах! Он летит на 85,5 и становится чемпионом мира с невиданной суммой — 258,9 очка! Что тут еще сказать?

Но дело еще не кончено. Ждем швейцарца Шмидта: в первой серии у него было 85,5. На это раз у него только 81,5. Может, олимпийский чемпион Касая отберет у Боровитина «бронзу»? Нет. Она наша.

Счастливый лауреат, теперь уже действительно по всем статьям именинник, чуть смущаясь, говорит: «Всем спасибо. Честно говоря, не думал, что стану призером. Но в меня все верили, и я не хотел никого подвести».

В родной город Алексей вернулся на белом коне. Уехал в Фалун перворазрядником, вернулся мастером спорта международного класса. Вот это да! А впереди новые международные старты...

Медаль была так близка...

В городке Викерсунде, расположеннном в 80 километрах от Осло, собрались прыгуны из двенадцати стран, чтобы в трехдневной борьбе определить, кто в мире может пролететь дальше и красивее всех.

«Всех интересовал вопрос: как стартуют австрийцы?.. Во время пробных прыжков они выглядели весьма слабовато и в первую очередь обладатель рекорда мира в подобных турнирах, главный фаворит соревнований Иннауэр, — сообщало Агентство печати «Новости». — Он занял последнее место с результатом всего лишь 88 м. Наши ребята в этот день прыгали неплохо. Отли-

Сенсацией отметился на чемпионате мира по полетам на лыжах в 1977 году в норвежском городке Викерсунде первый день соревнований. Самый дальний прыжок совершил советский спортсмен Алексей Боровитин. Он улетел на 146 метров.

чился лидер команды Алексей Боровитин, лучший прыжок которого был равен 135 метрам. Но еще лучше опробовали трамплин спортсмены ГДР и Швейцарии. Они улетели за 140 метров, дальние зачетные прыжки. Боровитин сразу же улетел дальше всех — на 144 м. При этом Алексей продемонстрировал отличное исполнение техники прыжка. Соперники бросились в погоню за ним. Во второй попытке лучший прыжок у Иннауэра — 145. Значит, он по-прежнему в великолепной форме. Тем не менее советский спортсмен в последней, третьей, попытке прыгает на... 146 м — самый дальний прыжок первого дня соревнований. Правда, приземлился не совсем удачно, и поэтому судьи поставили ему не очень высокие баллы.

В итоге после первого дня соревнований Алексей Боровитин на 0,5 балла отставал от рекордсмена мира по полетам австрийца Тони Иннауэра. Ожидалась напряженная борьба за медали чемпионата.

После двух дней соревнований лидировал уже чемпион мира по полетам 1972 года швейцарец Штайнер. За ним шли немец Гласс и наш Боровитин.

И вот третий, заключительный день чемпионата. Боровитин улетает на 152 м. Великолепный прыжок: и далекий, и красивый. Штайнер показывает 142 м. Становится ясно, что золотая медаль достанется швейцарцу, тем более что он также еще улетает на 148 и 151 м.

«Судьба серебряной и бронзовой наград решалась все в том же «загадочном треугольнике»: Иннауэр, Боровитин, Гласс, — писал «Советский спорт». — После второй серии Боровитин сохранил свое третье место. А вот в последней серии Алексей перенесничал — и всего 123 м. В итоге он — четвертый. Жаль, конечно, упущеной медали... и все же «поймал» длину Боровитин».

Позже, уже в Кирове, Алексей скажет: «Досадно, что в Норвегии остался без медали — так была она близка. Видимо, не хватает еще опыта, а отсюда и нестабильность выступлений. И я, и вся наша сборная в чемпионате мира по полетам участвовали впервые».

«Серебро» или «золото» было бы лучше

Итак, у Боровитина очень выгодная позиция. Она позволяла ему оставаться хозяином положения до последнего мгновения. Безусловно, победа требует и большой выдержанности, но Алексей — испытанный боец. Словом, хорошо знал свое дело. И в первой же серии летел далеко, красиво. Как торпеда. Получил высший балл за стиль. С результатом 125,0 очков (84 м) возглавил турнирную таблицу. И, казалось, счастье было близко...

Но и соперники знали свое дело не хуже... Теперь во второй серии всё зависело от него самого. Но Алексей чуть ошибся в первой фазе полета, чуть потерял равновесие, допустил мизерную неточность. В результате те же, что и в первом прыжке — 84 м, точно те же оценки и третье место в сумме. Бронзовая награда... «Бронза» — хорошо. А «золото» или «серебро» было бы лучше», — скажет позже Алексей.

«Завтра прыгуны сражаются на 70-метровом трамплине, — сообщал из Лахти (Финляндия) с чемпионата мира 1978 года специальный корреспондент «Советского спорта» Анатолий Коршунов. — Боровитин прыгает последним. Это отлично. На тренировках, которые здесь состоялись, Алексей продемонстрировал дальние полеты, проиграл только австрийцу Карлу Шнаблю.

Но чемпионат на этом не заканчивается. Впереди — соревнования на 90-метровом трамплине. В прошлом году здесь, в Лахти, именно на нем Боровитин уже побеждал. Почему бы не повторить успех или хотя бы войти в тройку? Как сообщает спецкор спортивной газеты, наши Валерий Савин и Андрей Боровитин прыгали не плохо, но все же на столе отрыва работали не так мощно и резко, как могли бы. В результате великолепному по стилю прыжку Боровитину и хорошему Савина не хватило длины. Выиграл финн Тапио Райсянен (111,5 + 108,0)...

Ну а когда оборвал на сто метров прыжок Боровитин — только он мог выиграть у Райсянена — началось воистину столпотворение: с 1962 года, то есть 16 лет, не удавалось финским прыгунам завоевать золотую медаль на 90-метровом трамплине. Боровитин с результатом 105,5 + 100,0 оказался на девятом месте.

*И на Олимпиаду-76 в Инсбрук, и на Олимпиаду-80
в Лейк-Плэйс — на главные свои соревнования Алексей
надеялся, полный надежд на успешное выступление.
Но ни на первых своих Олимпийских играх, ни на вторых
Боровитин не добился того, чего хотел.*

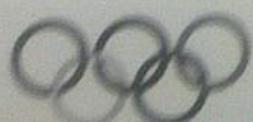
Лейк-Плэсид сам провалил, что касается Инсбрука...

В Инсбруке на 70-метровом трамплине он был 15-м. В Лейк-Плэсиде на малом трамплине только 21-м, а на большом и вовсе 36-м. Не оттого ли было мало прессы о советских прыгунах — корреспонденты любят рассказывать о победителях. Аими были немцы, австрийцы, швейцарцы...

Восполнить «олимпийский пробел» и многое другое мог только разговор непосредственно с Алексеем Боровитиным. И такой случай представился 10 апреля 2009 года, когда Алексей приехал из Нижнего Новгорода в Вятку, чтобы побывать на могиле своей матери.

— Алексей Алексеевич, что в Инсбруке случилось, почему слабо выступили?

— Можно сколько угодно ругать меня, моих товарищей по команде, но мне кажется: проблема-то была, как это ни прозаично звучит, в лыжах, в экипировке. У нас в то время снаряжение было гэдээровское. До поры до времени всё шло неплохо. Но немцы и австрийцы не стояли на месте. Те же австрийцы изобрели новые лыжи, комбинезоны. Их лыжи лучше скользили.

их комбинезоны в полете наполнялись воздухом, что помогало дальше лететь. Соперники призвали на помощь новые технологии, а мы пользовались старым багажом. И не летели... Люди новый австрийский комбинезон и лыжи олимпийского чемпиона Шнабля — он одну пару забраковал, так я тогда выиграл все соревнования. Поэтому имею право утверждать, что в Инсбруке дело было не в нашей подготовленности, а в инвентаре.

— А как было в Лейк-Плэсиде?

— Перед Олимпиадой-80 в нашей сборной, а я был капитаном команды, сложилась тяжелая обстановка. У ведущих прыгунов возникли разногласия с главным тренером Гарием Напалковым. В результате Напалков был снят с должности. Потом мы поняли, что отставка тренера команды перед Олимпиадой была ошибкой. Новый наставник просто не успел войти в курс дела — бы Напалков остался у руля команды, было бы лучше. Но тогда эмоции, и мои в том числе, перехлестнули через край.

И команда развалилась, не стало коллектива — каждый был сам по себе. Отрицательно еще действовали накачки партийных руководителей. Да и бытовая обстановка не добавила положительных эмоций. Нас, олимпийцев, разместили в здании тюрьмы. В «камерах» работали мощные вентиляторы. Было ужасно сухо. Всё время хотелось пить. Спалось плохо...

Но, несмотря ни на что, накануне олимпийских соревнований я выиграл официальную тренировку. Показал очень хороший результат, а в день старта... проснулся как выжатый лимон. Прыжки не удались.

Перед соревнованиями на большом трамплине мы на сутки переехали в другое место. Но надо же было такому случиться, что в тот день хоккеисты США выиграли у советской команды. Американцы праздновали победу до пяти утра. И все это веселье проходило перед нашими окнами. Я даже пожалел, что переехал из тюрьмы.

Все это говорится не в оправдание нашего плохого выступления, но объективности ради. А Олимпиаду в Лейк-Плэсиде лично я действительно провалил.

— Что было потом?

— После Олимпиады непонятно почему на несколько лет был введен возрастной ценз. От сборной отцепили так называемых великовозрастных спортсменов, в том числе и меня. А было мне тогда всего 26 лет. В 1982 году, готовясь самостоятельно, на чемпионат мира в Норвегии я проходил, но меня не взяли. Я понял, что на мне поставлен крест. В 1983 году предложили перейти в тренеры. Выступления в большом спорте закончил в 1984 году. Сейчас занимаюсь с женщинами-прыгуньями.

Время вспять не повернуть

— Алексей Алексеевич, как случилось, что вы перебрались в Горький и когда это было?

— В ноябре 1977-го. Тот год был удачным для меня. Чемпионат мира по полетам. Лахти. Холменколлен. Приехал в Киров героем (улыбается). Вокруг много друзей, а мне всего 23

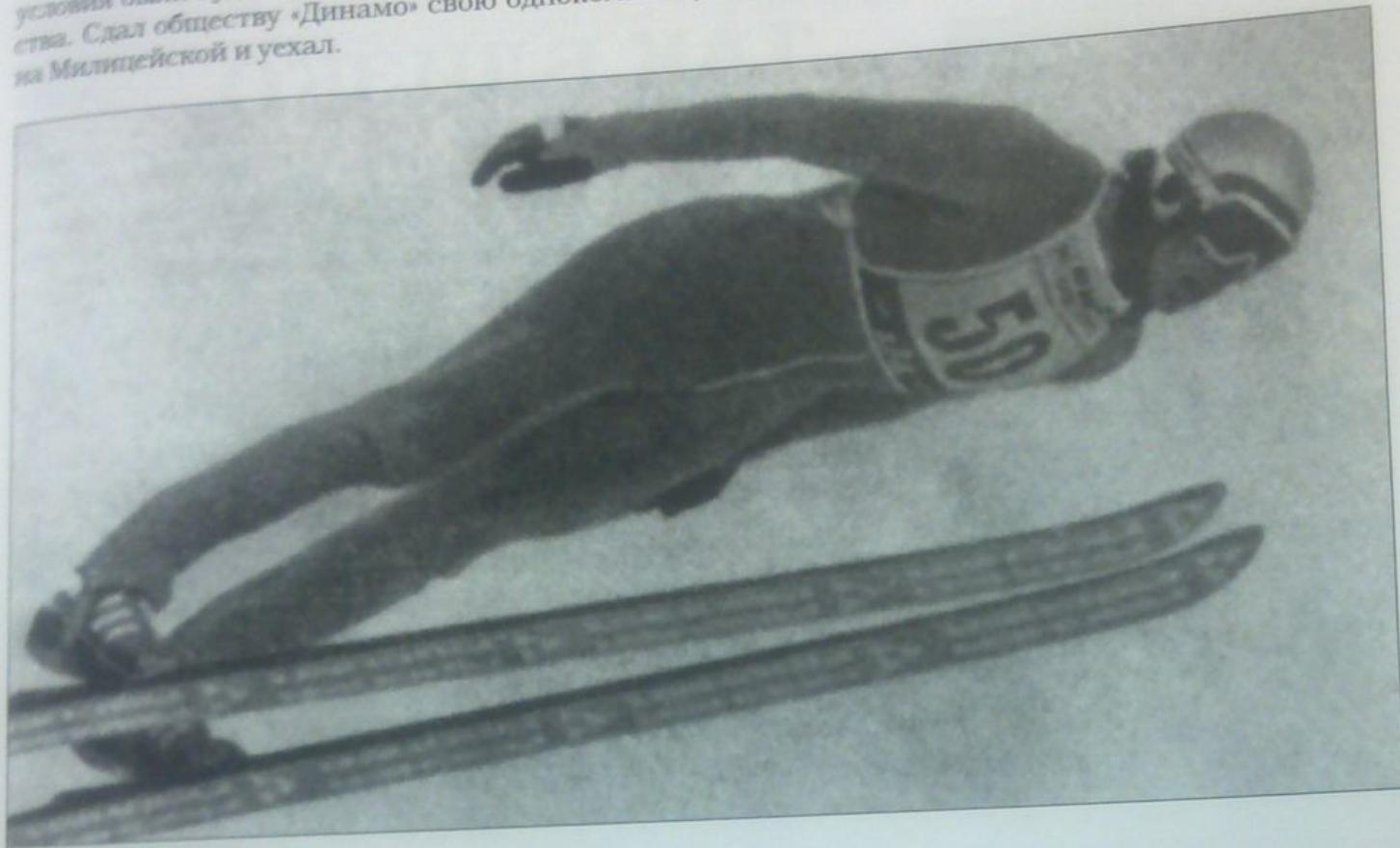
*Разговор коснулся
и отъезда Боровитина
из родного города.
Все же обидно,
когда спортивные
звезды покидают
взрачившую их
землю...*

1998

— Ну, знаете, как бывает в таких случаях... Нет, думаю, так долго продолжаться не может. Мне надо тренироваться, а тут... К тому времени меня уже, например, звали в Казань, Питер, в тот же Горький настойчиво приглашал Гарий Напалков. Там условия были куда лучше. Ну и решил сменить место жительства. Сдал обществу «Динамо» свою однокомнатную квартиру на Милицейской и уехал.

— Знаете, мы, коренные вятчане, до сих пор жалеем о вашем отъезде. Вам не приходилось слышать обидные слова в свой адрес?

— Кто-то считал меня предателем. И маму не раз попрекали, а она в ответ: а что я могу сделать.

— Тренер Баранцев, наверное, уговаривал не уезжать.

— Да, конечно, он говорил: подумай, останься. А я ему в ответ: Анатолий Васильевич, я уже решил.

— Вы уехали одни?

— Один. Правда, позже ко мне приехал мой первый тренер Вшивцев Виктор Николаевич. Он вернулся из Котельничского района в Киров, звонит мне, делится своими проблемами. Я ему говорю: приезжай, квартира у меня двухкомнатная — места хватит.

— Жизнь удалась?

— Грех мне на жизнь жаловаться. Я подполковник запаса внутренних войск. Есть жена, трое детей. Хотя мог бы добиться большего. На Олимпийских играх, например. Так хотелось далеко улететь. Жаль, но время вспять не повернуть.

В Нижнем Новгороде нашего земляка Боровитина называют «легендой спорта». Когда он слышит это, смущенно улыбается: ну, какая я легенда...

